
М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Переписка В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия (по архивным материалам)

Знакомство В. П. Адриановой-Перетц с Н. К. Гудziem, видимо, следует отнести к 1907—1908 гг., т. е. к тому времени, когда, сдав экстерном экзамены за гимназический курс, выпускник реального училища г. Могилева-Подольского поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Киевского университета. Там в это время начал свою работу Семинарий русской филологии профессора В. Н. Перетца, активной участницей которого была Варвара Павловна Адрианова, а слушателем стал Николай Каллиникович Гудзий. Через семь лет, в 1914 г., он сам начал преподавать в Киевском университете св. Владимира.

Именно в Семинарии В. Н. Перетца сложились научные интересы и навыки филологической работы Н. К. Гудзия, определившие в дальнейшем его путь ученого. «...я стал особенно усердным посетителем лекций профессора Владимира Николаевича Перетца, приобщавшего своих слушателей к тому, что должно было назваться литературоведческой наукой, о которой мы не имели до тех пор никакого понятия, придя в университет со скудным багажом школьных разборов отдельных литературных произведений», — так писал Н. К. Гудзий в статье, посвященной 30-летию со дня смерти своего учителя.¹

Варвара Павловна и Николай Каллиникович были почти ровесниками: он был старше ее всего на один год. Они вместе начинали научный путь, в одном городе, в одном доме, доме их общего учителя; затем их жизнь проходила в разных городах: В. П. с В. Н. Перетцем начиная с 1914 г., когда его избрали в Академию наук, жила в Петрограде, а Н. К. Гудзий с 1922 г. — в Москве. Но для обоих «киевский» период увлеченности наукой, жизни среди единомышленников, любви к общему делу и к своему учителю, т. е. период молодости, был самым дорогим воспоминанием. И В. П. Адрианова-Перетц это в Н. К. Гудзии очень ценила. «Недаром же мы с Вами из одного гнезда», — писала она ему в одном из писем (1934 г.), а в поздравительной открытке желала: «...чтобы Вы по-прежнему держали высоко марку нашей старой киевской гвардии, в чем и сих пор Вы безусловно сохраняете неизменно первое место» (1962 г.). Вот почему в их переписке, в том виде, как она дошла до нас, фигура В. Н. Перетца играет такую значительную роль и является ее главной темой. Как отмечал сам Н. К. Гудзий, он был связан с В. Н. Перетцем «памятью сердца»: «Он был нашим не только учителем, но и заботливым другом, старшим товарищем. Мы любили его сыновней любовью, хотя по возрасту он не годился нам в отцы.

---

¹ Гудзий Н. К. Памяти учителя // РЛ. 1965. № 4. С. 167.

Он держался с нами на равной ноге, несмотря на то, что мы отлично понимали расстояние между ним и нами и его дружеское отношение к нам воспринимали как щедрый дар».²

Переписка В. П. Адриановой-Перетц с Н. К. Гудзием сохранилась в составе фонда В. П. Адриановой-Перетц в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 726), поступившего туда после ее смерти в 1972 г. Писем Варвары Павловны к Н. К. Гудзию здесь 100, а писем Н. К. Гудзия всего 33. Видимо, В. П. Адрианова-Перетц сохранила из его писем лишь те, где так или иначе вспоминалось имя В. Н. Перетца. Ее же собственные письма вернулись к ней, очевидно, после смерти Николая Каллиниковича в 1965 г. по воле его сестры Анны Калликовны. Письма В. П. Адриановой-Перетц к Н. К. Гудзию подробно рассмотрены нами в отдельной статье,³ поэтому здесь обратимся главным образом к текстам сохранившихся писем Н. К. Гудзия. Хронологически они охватывают небольшой отрезок времени — всего девять лет, с 1956 по 1965 г., тогда как ее письма к нему начинаются с 1934 г. Напомним кратко о них. В этих письмах проходит почти вся научная жизнь и Варвары Павловны, и Отдела древнерусской литературы, и Пушкинского Дома, и Ленинграда. Большое место занимают в них размышления о работе над первыми двумя томами задуманной в 1936 г. десятитомной академической «Истории русской литературы», которую возглавила Варвара Павловна. Она вместе с академиком А. С. Орловым и Н. К. Гудзием редактировала этот коллективный труд, но и сама была в большой мере его автором. Да и основная редакторская нагрузка лежала на ней. Именно В. П. Адрианова-Перетц, как известно, приглашала авторов, среди них в первую очередь Н. К. Гудзия. Ее беспокоило, что авторский коллектив издания слишком малочислен: «Эх, кабы Вы могли достаточно обеспечить себя древней литературой! Нашего бы полку прибыло. А то ведь хоть караул кричи. А у меня просто сил не хватает все брать на себя». Осенью 1936 г. она писала ему же: «Мне придется в будущем году работать еще по группе XVIII века, которая подбрасывает мне Петровскую литературу. Здесь я имею полномочие подбирать сотрудников. Не хотите ли для истории литературы взять какой-нибудь отдел Петровской эпохи?». Н. К. Гудзий тогда уже много времени отдавал занятиям русской классической литературой XIX в. и не мог полностью включиться в предлагаемую ему работу. И В. П. сетовала: «Все же вгрызаться в материал сырой необходимо непрерывно, чтобы стержень оставался прочный, а Вы все уходите больше в XIX век» (1937 г.). В письмах к Н. К. Гудзию В. П. обсуждала вопросы зарождения и развития местных литературных и книжных традиций, особенностей памятников XIII в., Степенной книги, переводов Максима Грека. Она заботилась о высоком научном уровне издания: «У меня мелькает даже идея, не проташить ли через научно-популярную серию АН небольшой справочник для всех трех томов, с основной библиографией по всем разделам? Но это будет трудно» (1940 г.).

Таким образом, уже в первых сохранившихся письмах В. П. Адриановой-Перетц Н. К. Гудзию видны общность их научных интересов, их отношения не только как старых университетских товарищей, пусть и связанных памятью об учителе, которого Николай Каллиникович всегда называл в письмах «приснопамятным» и «незабвенным», но и как единомышленников в науке. В. П. доверяла знаниям, вкусу и добросовестности Н. К. Гудзия,

² Там же С 169

³ Рождественская М В, Николаева Е П Об архивном наследии В П Адриановой-Перетц // ТОДРЛ СПб, 1992 Т 45 С 21—29 Некоторые выдержки из писем В П Адриановой-Перетц неизбежно повторяются

а он в ответ старался сообщить ей всегда что-либо для нее важное, интересное, доставить радость. Вот почему Н. К. Гудзий постоянно возвращается к имени В. Н. Перетца. И это не просто воспоминания, а реальная забота о его памяти и о самой Варваре Павловне. Николай Каллиникович в письме от 14 октября 1956 г., одном из первых по хронологии, рассказал о письмах Владимира Николаевича к Ивану Франко, обнаруженных им в архиве И. Франко в Киеве и подготовленных для публикации. Н. К. Гудзий привел выдержки из этих писем. В одном из них В. Н. Перетц писал 21 марта 1906 г. по поводу обстановки, сложившейся в Киевском университете после поражения революции 1905 г.: «Я — Вы, конечно, знаете — не поклонник политических воззрений Антоновича и его близких друзей, но полагаю, что политические разногласия могли бы быть временно оставлены. Ведь Антонович не только старейший, но и *единственный* представитель украинской теоретической науки, создавший ряд учеников, из коих одного (т. е. Грушевского — Н. Г.) и Вы чествовали недавно». Посылая этот отрывок из письма В. Н. Перетца, Н. К. Гудзий спрашивает В. П.: «Не правда ли, — интересно, значительно и поучительно во многих отношениях?».

В те осенние дни 1956 г., когда Варвара Павловна получила это письмо Н. К. Гудзия, она была занята хлопотами по реабилитации и возвращению В. Н. Перетцу его доброго имени, которого он был лишен при аресте в 1934 г. и выслан по статье 58-11 (за «контрреволюционную националистическую деятельность») на 3 года в Саратов, где в 1935 г. умер от болезни сердца. Хлопоты В. П. Адрианова-Перетц начала еще весной, сразу после XX съезда КПСС. В ее архиве сохранилось заявление в Верховную Прокуратуру СССР от 20 мая 1956 г.: «Издать оставшиеся после мужа научные работы, назвав его снова тем научным именем, которое он с таким достоинством носил в течение последних двадцати лет своей жизни, — писала в нем В. П., — единственная цель моей просьбы». Об этих хлопотах В. П. сообщала своему постоянному корреспонденту, Н. К. Гудзию, тогда же, в 1956 г.: «В свете событий этого года все опять заново переживается. Подала дело в Верховную Прокуратуру, известили, что переслали в Ленинград, откуда-де и получу ответ. Но пока — молчание. Найдут ли самое дело, ведь в войну многое исчезло. Одновременно подано и заявление о Сперанском. Но там — только заявление, а я послала и копии с рапорта им в Академию, где подробно изложены все события с 11 апреля до середины июня 1934 г., а затем копию письма Сталину, где добавлен и рассказ о ноябрьском вызове в Верховную Прокуратуру. Не знаю, что удастся им найти об этом „деле“, ведь втянули много людей». «Нисколько не сомневаюсь, что Вы получите известие о реабилитации Вл. Ник., но и без официальных документов он, как и Сперанский, давно уж очищен от всяких поклепов», — писал в ответ Н. К. Гудзий 21 октября 1956 г.

Н. К. Гудзий заботился о восстановлении справедливости не только по отношению к В. Н. Перетцу, но и к другим ученым: «Я как-то, будучи в прокуратуре по делу реабилитации Переверзева, — писал он в том же письме, — который благополучно теперь живет в Москве и восстановлен во всех правах, заинтересовался делом Г. А. Гуковского, но прокурор, охотно принеся его дело, так и не мог сказать мне ничего вразумительного». А 11 августа 1957 г. В. П. сообщала Николаю Каллиниковичу о юридической реабилитации Влад. Ник. Извещение об этом она получила накануне Владимирова дня (28 июля).

После реабилитации В. Н. Перетца стало возможным издать том его работ по русско-украинским и украинско-польским литературным связям, продолжающий три выпуска «Исследований и материалов», изданных Отде-

лением литературы и языка АН СССР в 1927—1929 гг. Этот том вышел в свет в 1962 г.⁴ Приступая к его составлению, В. П. Адрианова-Перетц писала Н. К. Гудзю: «Сами понимаете, сколько всякого поднялось в душе, когда я прикоснулась к этим работам» (16 октября 1956 г.). «Очень хорошо, — отвечал Н. К. Гудзий, — что Вы упорядочиваете 4-й том „Исследований и материалов“ Владимира Ник. Конечно, я всячески постараюсь провести его через Комиссию по истории филологической науки, хотя издательство АН сильно лимитирует количество листажа на издания ОЛЯ». Н. К. Гудзий не только поддерживал В. П. в этой подготовке, но и активнейшим образом помогал ей. Это выразилось, во-первых, в том, что он, будучи председателем Комиссии по истории филологической науки, всячески «пробивал» книгу В. Н. Перетца для печати. «Дорогая Варвара Павловна, — писал Н. К. Гудзий 8 октября 1957 г., — вчера получил рукопись книги Владимира Николаевича и написанную Вами биографию Вл. Н. Написали Вы ее очень хорошо, и поучительно, и интересно. Многих подробностей жизни В. Н. я не знал. Постараюсь в ближайшее время дать ход рукописи». Через несколько месяцев Н. К. Гудзий сетовал на то, что возглавляемая им Комиссия «влачит жалкое существование», что необходимость выпуска книги В. Н. Перетца нужно доказывать в издательстве, что появились сложности и с изданием работ М. Н. Сперанского, чей сборник, по замыслу Н. К. Гудзия, должен был выйти из печати в 1958 г. к открытию IV Международного съезда славистов в Москве. И вместе с тем Н. К. Гудзий писал Варваре Павловне: «Все, что смогу сделать для ускорения дела, сделаю». Для «Материалов и исследований» В. Н. Перетца В. П. подготовила и обширную библиографию его трудов. Н. К. Гудзий, желая помочь ей в этом, стремился к тому, чтобы ни одна из мелких заметок В. Н. Перетца не осталась неучтенной. Он указывал на них В. П., и не только случайно обнаруживая их где-либо, но и специально тщательно разыскивал эти юношеские труды своего учителя, подписанные часто только инициалами или буквами латинского алфавита. Попутно Н. К. Гудзий устанавливал их авторство: «Я не сомневаюсь в том, что рецензии большей частью информационного характера в „Л. В.“ («Литературном вестнике». — М. Р.), подписанные буквой W, принадлежат Вл. Ник. Никто, кроме него, не мог писать отзывы на те книги и издания, которые подписаны этой буквой (дубль в). Кроме того, в них характерное для Вл. Ник. „серiousный“ вместо „серьезный“. Думаю, что и информационные рецензии, подписанные латинским Z, также принадлежат Вл. Ник.» (9 февраля 1958 г.).

Незадолго до этого письма Н. К. Гудзий сообщил В. П. Адриановой-Перетц о том, что он просмотрел «Литературный вестник» за 1901 г. и нашел там ряд рецензий, не зарегистрированных в ее перечне работ В. Н. Перетца. При этом Н. К. Гудзий отделил его аннотации чужих работ от рецензий критического характера (как, например, «разгромной» рецензии на книгу В. Малинина о старце Филофее). О дополнительных критических соображениях В. Н. Перетца сообщал Н. К. Гудзий Варваре Павловне, указывая на его рецензию на работу А. И. Соболевского о церковнославянских текстах моравского происхождения, напечатанную в «Литературном вестнике», и на 6-й том собранных А. И. Соболевским «Великорусских песен», на издание интермедий XVIII в. Вс. Миллером и некоторые другие статьи и монографии. Желание максимально полно собрать все сохранившееся в научном наследии В. Н. Перетца заставляло Н. К. Гудзия возвращаться к этим вопросам не в одном письме. Он сообщает, например, о

⁴ Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.: Л., 1962.

том, что в «Литературном вестнике» и за 1902 г. также нашел неучтенные публикации В. Н. Перетца, уточняет даты изданий, выходные данные этих и обозначенных в списке В. П. работ. К библиографической работе Н. К. Гудзий вообще относился с глубоким пониманием ее важности. Уже позднее, благодаря В. П. Адрианову-Перетц за присылку редактируемой ею «Библиографии работ по древнерусской литературе», составленной Н. Ф. Дробленковой, он писал: «Нечего говорить о том, как полезен и необходим для всех древников этот труд. Побольше бы библиографических работ, в частности, по древней русской литературе. По части библиографии мы отстаем от наших западных коллег» (3 октября 1961 г.).

Н. К. Гудзий не только выискивал малоизвестные и затерянные в украинской периодике работы В. Н. Перетца, но старался присылать Варваре Павловне все, что относилось к памяти В. Н. Так, в январе 1958 г. он отправил ей вырезку своей статьи из украинской «Литературной газеты», оговорив, что она может заинтересовать В. П. Адрианову-Перетц тем, «что в ней упоминается имя Владимира Николаевича».⁵ Одновременно Н. К. Гудзий отправил Варваре Павловне найденный им среди своих бумаг план книги В. Н. Перетца о «Слове о полку Игореве», о чем сообщил ей в цитированном письме. Но не только научная деятельность учителя постоянно была в центре забот Н. К. Гудзия. Он старался не забыть о трудах других своих предшественников — славистов и неславистов, с которыми, может быть, не во всем соглашался, но с которыми ощущал себя связанным общим делом и традициями филологической науки. Разбирая свои бумаги, Н. К. Гудзий нашел в них корректуру статьи Н. Н. Зарубина об академике Н. К. Никольском с упоминанием библиографии его трудов, собственноручно им составленной, и сразу написал об этом В. П. Адриановой-Перетц 26 января 1958 г.: «Статья эта проектировалась для напечатания в № 7 „Звеньев“, но она не вышла в свет. Если бы, по примеру последних текстов „Трудов“, редакция [взялась] бы напечатать эту библиографию, я могу ее прислать Вам. Впрочем, текст ее хранится в Архиве АН СССР, как и тексты некоторых неопубликованных работ Никольского, в том числе 2-й и 3-й части его „Повести временных лет“. Несмотря на всю спорность и головоломность этого последнего труда, не следовало бы его напечатать изданием Вашего сектора?».

Уход из жизни многих ученых, коллег Н. К. Гудзий воспринимал не только как личную утрату, но и как невозполнимый разрыв в единой научной традиции, столь необходимой для воспитания молодого поколения ученых: «Лишний раз вздохнул по поводу гибели Игоря Петровича (Еремина. — М. Р.), — пишет он 10 апреля 1964 г., — лекциями которого по украинской литературе для издания их займусь, когда их получу». Сообщая 29 апреля 1965 г. В. П. Адриановой-Перетц о смерти А. Н. Насонова, Н. К. Гудзий называет его «тишайший, скромнейший и очень значительный человек и ученый». В том же году он печалится о смерти академика М. Н. Тихомирова: «Это был крупный историк, притом очень плодovitый».

И к живущим и успешно работающим своим коллегам-древникам Н. К. Гудзий относился, как правило, доброжелательно и, как видно из его писем к В. П. Адриановой-Перетц, всегда старался помочь. В начале 1960-х гг. отношение к гуманитарным наукам в высших академических и правительственных кругах было достаточно скептическим. После сессии Академии наук в 1962 г. Н. К. Гудзий с грустью писал: «Не уверен, что

⁵ См. Вивчення української літератури до 1 після Жовтня // Літературна газета 1958 10 янв

гуманитарам станет намного легче после академической последней сессии. На нас все равно будут смотреть как на нахлебников науки. Разве такой крупный филолог, как Жирмунский, будь он физиком, математиком или даже ветеринаром, не удостоился бы академического кресла? Вот тут в Москве почти два года бился я, чтобы добыть Назаревскому звание профессора (без докторской степени), и только благодаря всяческим хлопотным ходам наконец достиг этого» (5 ноября 1962).

Когда вышла в свет книга В. Д. Кузьминой о рыцарском романе на Руси,⁶ Н. К. Гудзий высоко оценил эту работу и собирался напечатать рецензию на нее в «Вопросах литературы». Узнав о развернутом отзыве на труд В. Д. Кузьминой, присланном В. П. Адриановой-Перетц, который показала ему Кузьмина, Н. К. Гудзий решает напечатать рецензию Варвары Павловны, а не свою, потому что, по его словам, она «лучше, полнее, обстоятельнее». В этом, казалось бы, незначительном случае отразилось желание Н. К. Гудзия руководствоваться в первую очередь интересами дела, а не собственными амбициями. В 1964 г. украинский исследователь Л. Е. Махновец издал книгу, которую собирался защищать как докторскую диссертацию.⁷ В. П. Адрианова-Перетц написала на нее рецензию.⁸ Поддерживая работу Л. Е. Махновца, Н. К. Гудзий спрашивал ее: «Не дадите ли Вашу рецензию в „Вопросы литературы“? Хорошо бы это было» (29 апреля 1965 г.).

Находясь постоянно в курсе работы В. П. Адриановой-Перетц и всех сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, когда развернулась полемика по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве», Н. К. Гудзий поддержал в этой полемике В. П.: «Желаю Вам полного успеха в сражении за „Слово“ и за безоговорочное подчинение ему его праправнучки „Задонщины“. Я собираюсь вступить в войну, отнюдь не холодную, за „Слово“, когда выйдет на ротاپринте книга Зимина», — писал он 7 ноября 1963 г. После того, как труд А. А. Зимина, изданный ротاپринтным способом, попал ему в руки, Н. К. Гудзий в письмах к Варваре Павловне делится своими впечатлениями о нем: «Книга Зимина доставила мне много огорчений. Ее труднее читать из-за массы не к делу идущих ссылок, чем книгу Мазона...» (10 апреля 1864 г.). Несмотря на резкое несогласие с построениями и выводами А. А. Зимина, Н. К. Гудзий тем не менее добавлял: «Я считаю, что книга должна быть доступна специалистам в Союзе и за границей, и на нее должны последовать письменные отзывы».

Но каких бы сюжетов ни касались в своей переписке Варвара Павловна и Николай Каллиникович, В. Н. Перетц оставался центральной темой их разговора. И не только потому, что с ним была связана пора их научной молодости и первых самостоятельных трудов, но и потому, что оба продолжали разрабатывать проблемы, которые волновали В. Н. Перетца: взаимосвязи древнерусской и староукраинской, старопольской литератур. Н. К. Гудзий был, как и В. П., действительным членом Украинской Академии наук, он реально осуществлял взаимодействие русских и украинских филологов, знакомил их с работами друг друга. А Варваре Павловне каждое доброе дело, связанное с В. Н. Перетцем, каждое доброе слово о нем прибавляло сил. Одному из первых она послала Н. К. Гудзию книгу В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков», в работе над которой он так

⁶ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. М., 1964

⁷ Махновець Л. Е. Сатира і гумор української прози XVI—XVIII ст. Київ, 1964

⁸ ИЮЛЯ 1965 Т 24, вып 5 С 437—441

много помогал ей. 20 февраля 1962 г. Николай Калининвич писал: «Дорогая Варвара Павловна! Сейчас получил от Вас книгу Владимира Николаевича. Нечего говорить, какую большую радость доставило мне это событие, связанное с памятью дорогого и приснопамятного нашего Учителя. Спасибо Вам за то, что Вы прекрасно потрудились над книгой и над биографией Владимира Николаевича и над библиографией его трудов. На-завтра уезжаю на сессию АН УССР в Киев, тот Киев, откуда есть пошла преподаваемая нам Владимиром Николаевичем наука. Мой Вам сердечный привет и дружеские пожелания. Ваш Н. Гудзий».

В 1962 г. Н. К. Гудзию исполнилось 75 лет. Варвара Павловна поздравила его с этой датой, и, отвечая на ее поздравление, Н. К. снова вспомнил об учителе, которому, как он всегда считал, был обязан формированием своих научных взглядов, связывая их со «школой Перетца». Прошло немало лет со дня смерти В. Н. Перетца, имя его долгие годы было незаслуженно забыто официальной наукой, мало осталось активно работающих его учеников. Поэтому Н. К. Гудзий старался не дать угаснуть памяти о В. Н. Перетце, о всех членах его знаменитого Семинария. «Нас, возвращенных нашим приснопамятным учителем и щедрейшим другом, — писал Н. К. Гудзий в ответ на поздравления с 75-летием, — остались считанные единицы, и общение их друг с другом особенно радует и волнует. Дай Бог, чтобы это общение длилось как можно дольше. Вам, талантливейшей ученице Владимира Николаевича и самому большому его другу, желаю как можно лучше себя чувствовать и как можно энергичнее работать».

Н. К. в своих немногих сохранившихся письмах к Варваре Павловне постоянно заботливо спрашивает ее о здоровье, беспокоится, узнав о ее болезнях (как правило, от других). Не отличавшийся сам крепким здоровьем, мучавшийся изматывающей бессонницей, Н. К. Гудзий не любил жаловаться по этому поводу. На проскальзывающие, однако, фразы Н. К. Гудзия о недомогании (только потому, что это являлось помехой в его работе) В. П. мгновенно откликалась медицинскими советами и сочувствием. После Всесоюзного совещания по древнерусской литературе, проходившего в Ленинграде в конце мая 1962 г., Н. К. Гудзий, вернувшись в Москву, беспокоился о здоровье Варвары Павловны, и в его беспокойстве проскальзывало упоминание о собственном перенесенном напряжении: «Я и то порядком устал, чего, по своему великодушию, не заметила М. А. Салмина: с молодежью я стараюсь казаться молодым, ее ровесником» (8 июня 1962 г.). В. П. Адрианова-Перетц и Н. К. Гудзий помнили молодость друг друга, а в человеческих отношениях это очень важно. Используя оброненное в давнем ее письме к нему выражение, Н. К. писал: «Все-таки из одного гнезда мы вылупились, и знать друг о друге во всех подробностях очень всегда хочется» (10 апреля 1964 г.). Несмотря на дружбу, скрепленную десятилетиями, и на то, что разница в возрасте у них была всего один год, он относился к ней (это видно по письмам) как к старшему коллеге и другу. Они всегда обращались друг к другу по имени-отчеству и на «Вы», что придавало их отношениям, и в частности переписке, оттенок особого уважения, необходимого доверия и теплоты. Все свои письма к В. П. Н. К. Гудзий подписывал «искренне Ваш», «дружески Ваш», и это не была просто эпистолярная формула. В 1963 г., когда здоровье и настроение Н. К. Гудзия были неважными, он получил от Варвары Павловны слова сочувствия и сразу же ответил ей: «Только что получил Ваше теплое, дружеское письмо, очень обрадовавшее и согревшее меня (в Москве похолодало во всех отношениях). Спасибо Вам сердечное за добрые, может быть, и не заслуженные слова» (27 апреля 1963 г.).

Последние письма Н. К. Гудзия к В. П. Адриановой-Перетц снова связаны с именем Владимира Николаевича Перетца. Осенью 1965 г. исполнилось 30 лет со дня его смерти, и, как уже упоминалось, Н. К. Гудзий готовил статью о нем, напечатанную тогда же в журнале «Русская литература». При работе над статьей он постоянно обращался за советами к Варваре Павловне: «О Владимире Николаевиче, — обещал он ей, — постараюсь написать как можно лучше». Он просит у В. П. разрешения поместить вместе со статьей фотографический снимок участников их Семинария, относящийся к зиме 1913/14 г. «Я непременно хочу добиться того, чтобы этот снимок сопровождал мои воспоминания о Владимире Николаевиче» (27 июня 1965 г.). К сожалению, в журнале фотография помещена не была, но она воспроизведена в сборнике воспоминаний о Н. К. Гудзии, вышедшем вскоре после его смерти.⁹ Еще до публикации Н. К. Гудзий отослал свою статью Варваре Павловне. Он просил написать ему о том, что ее не удовлетворяет в ней и что можно было бы исправить в корректуре. В. П. Адрианова-Перетц, по-видимому, была довольна воспоминаниями Н. К. Гудзия. «Я очень рад, что статья моя Вам понравилась, — пишет он 2 августа 1965 г. — Тут Вы для меня самый высокий авторитет. Все ваши замечания и пожелания приму в расчет». Одновременно он сообщал, что собирается в ближайшие дни написать еще одну статью о В. Н. — «о его и его учеников работах по истории украинской филологии» и что он уже договорился о публикации в редакции журнала «Радянське літературознавство».¹⁰ А. А. Назаревский, давний друг Н. К. Гудзия по Семинарию Перетца, рассказал в своих воспоминаниях о том, что в последнем письме к нему Н. К. Гудзий уже из больницы, куда он отправился, как предполагал, ненадолго, просил А. А. Назаревского прочитать корректуру этой статьи.¹¹ Через 10 дней после этого письма Н. К. Гудзия не стало.

Н. К. Гудзий умел быть верным тому, что он когда-то полюбил, и быть искренним в этой верности. Его отношение к В. Н. Перетцу и В. П. Адриановой-Перетц остается неизменным и в письмах к Варваре Павловне, и в статье о своем учителе; оно полностью совпадает с теми словами, с которыми Н. К. обратился к В. П. Адриановой-Перетц в дни ее семидесятипятилетнего юбилея, — словами «глубокого уважения, признательности и душевной приязни».¹²

Переписка Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц, хранящаяся в РО ИРЛИ, — это переписка двух больших ученых, прошедших общую школу, незаурядных людей, двух единомышленников. В небольших по объему и деловых по содержанию письмах раскрывается подлинное значение потерявшего сегодня истинный смысл слова «коллеги».

⁹ Воспоминания о Николае Каллиновиче Гудзии. М., 1968.

¹⁰ Пам'яті академіка В. М. Перетца (1870—1935) // Радянське літературознавство. 1965. № 12. С. 45—49.

¹¹ Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого // Воспоминания о Николае Каллиновиче Гудзии. С. 24.

¹² Гудзий Н. К. К семидесятипятилетию В. П. Адриановой-Перетц // РЛ. 1963. № 2. С. 266.